

Мужчина сел ровно напротив Курамы на противоположном кресле в маленьком библиотечном уголке для чтения.

По человеческим стандартам он выглядел старым. У него было испещрённое линиями ястребиное лицо и сморщенная кожа. Тёмное кимоно. Полосы бинтов, закрывающие глаз. Он прислонил деревянную трость к своему креслу. Его чакра была аккуратной, сдержанной пружиной, естественной для тренированных ниндзя. У Курамы не было ни малейшего понятия, кто это был, хотя, учитывая, что никто никогда не приходил в эту секцию библиотеки — прямо как любил Курама — то же самое не могло быть сказано наоборот.

Поскольку мужчина был, во-первых, не Учихой (хотя его чакра имела это интересное непостоянство, свойственное склонным к гендзюцу людям) и, во-вторых, не кем-то, кого Курама узнавал из своего заключения в Кушине или Мито, Курама его проигнорировал. Непопадание ни в первую, ни во вторую категорию делало его неважным. Если рассуждать с точки зрения уровня угрозы, в данный момент все, по сути, были неважны — если только у них при себе не завалась мангекё. Если рассуждать с точки зрения личной значимости, то Курама уже заполнил свой реестр, спасибо.

Это был намеренный визит, и у Курамы было ноль интереса в любой фигне, которую этот человек мог хотеть.

Он перевернул страницу. "История грузоперевозок и коммерции в Стихийных Странах". Весьма захватывающе, на самом деле.

— Что ты думаешь о нынешней системе деревень, Узумаки Менма?

Курама прищурился, но не оторвал глаз от книги. Что это было — тест? Он мог прекрасно чувствовать чакру мужчины — наследие Индры всегда делало Учих более неясными, чем они должны были быть — и ничего в ней не указывало на подозрение. Или любопытство. Она просто была крайне напряжённой и крайне сосредоточенной на кураминоме ответе.

— Она существует, — равнодушно ответил Курама, потому что это был наименее оскорбительный ответ, который он мог придумать.

Подавленное одобрение промелькнуло в чакре незнакомца. Ага.

— Звучит так, будто ты не особенно доволен ею, — отметил он.

Курама не соизволил ответить. У него не было времени на коноховское политическое дерьмо, ровно как и терпения для людей, пытающихся каким-либо образом вынудить его действовать как заминированную батарейку, и, честное слово, не требовалось быть гением, чтобы понять, почему кто-то мог попытаться сблизиться с Курамой. Другой опцией было бы отродье — по ошибочному мнению, что у Конохи было двое джинчурики — и отродье было отродьем. Процесс исключения и всё такое.

Он перевернул очередную страницу.

— Ты когда-либо думал, что нынешняя система — не та, что приносит лучший баланс?

У нынешней системы не было никакого баланса. Распылить было бы верным решением. Она станет прахом через несколько месяцев.

Мужчина ждал. Курама сохранял молчание. Слышно было лишь шелест бумаги.

Ещё страница, и искорка сигнатуры Жвачки свернула обратно к нему с того места, где она бродила по отделу с поэзией. Мужчина тихо поднялся. Отлично. Он сидел на жвачкином месте.

— Я вижу, ты сейчас не заинтересован, — высказал — единственную умную вещь с его стороны пока что — наблюдение он. — Ну, возможно позже, Узумаки Менма.

Курама мысленно закатил глаза.

Не будет никакого позже. Интерес Курамы в каких-либо замыслах, которые имел незнакомец, был отрицательным, а деревня будет уничтожена достаточно скоро, настолько, что вторая встреча была маловероятна, если только в этом коротком промежутке времени до этого момента не случится что-то действительно серьёзное. Сигнатура чакры мужчины скрылась за полками как раз когда Жвачка высунула голову в закуток для чтения, держа третью редакцию "Принцессы Кагуи", которую Курама послал её достать, под мышкой.

— Нашла! — прошептала она, широко улыбаясь.

Он отложил свою книгу. Курама сказал Жвачке, что он поможет ей со словарным запасом. Улучшить её литературный вкус было, в действительности, частью его приоритетов.

***

Вечеринка в честь дня рождения отродья была проведена восьмого октября — на выходных, стоящих прямо перед фестивалем Героя. Курама вручную написал приглашения яркой блестящей ручкой, потому что согласно словам Яманаки, это было человеческой традицией для вечеринок в честь дней рождения, после чего всунул карточки отродью, чтобы тот распределил их по своей группе детей. Вечеринка была запланирована на время для ужина. Отродье купило невероятное количество блёсток, серпантина и блестящего серпантина. Курама послал Щенка за кексами.

Он не осознавал логистического кошмара, который представляли из себя семь дополнительных

личинок человека, набившихся в их квартиру, пока Яманака Иноичи не появился в четыре часа вечера, заноса еду, которой хватило бы человек на пять, и половину приглашённых — Нару, перекинутого через плечо, Жвачку, Яманаку, Акимичи, путающегося у него под ногами — во входную дверь. А потом да, начались логистические кошмары. А конкретнее — нехватка места. Потом, ровно пять минут спустя, пришла Учиха Микото с мелким Учихой — и это был первый раз, когда Курама видел хотя бы проблеск её за последний месяц — а потом Абураме, а потом Инузука, чья мать весело хлопнула Яманаку Иноичи по плечу, прежде чем покинуть квартиру через окно на балконе.

Яманака Иноичи не ушёл через окно на балконе. Курама изучил его взглядом.

— ...Ты остаешься? — это тоже было нормальное поведение для человеческих вечеринок в честь дня рождения?

— Папочка! — воскликнула Яманака возмущённым тоном, что переводилось как: "Нет, это не нормальное поведение для человеческих вечеринок в честь дня рождения."

— За вами должен приглядывать хотя бы один взрослый, солнышко, — сказал Яманака Иноичи, с Нарой, всё ещё спящим на его плече, пытаясь найти место на кухонной стойке, чтобы положить восемь коробок с бенто, которые он принёс.

В гостиной что-то упало.

— Эй! — воскликнул Инузука.

— Ребят, пожалуйста, — сказал Акимичи.

— Дайте мне все подарки! — прокричало отродье.

Жвачка подвинулась поближе к Яманаке-старшему, прижимая свой завёрнутый в подарочную бумагу прямоугольник чуть ближе к себе.

— Тут есть место, куда складывают подарки? — спросил Яманака-старший, наконец опуская стопку бенто на освободившийся кусочек стола.

— Это всё бессмысленно переусложнено, — пробормотал Курама, взял сверток Жвачки, после чего отошёл, чтобы положить его рядом с диваном. Яманака уронила голубой полиэтиленовый пакет, который купила, сверху.

— Киба, дай, — заныло отродье, совершая хватательные движения. Абураме бросил на них взгляд, пересёк гостиную и положил на пол простого вида деревянный ящичек. Отродье бросилось вперёд. Небольшой вихрь листьев и летящих во все стороны блёсток прорезал балкон, чтобы оставить тарелку прекрасных, идеально покрытых глазурью шоколадно-

трюфельных кексов.

— Эм, — сказала Жвачка.

Щенок не был в своей АНБУ униформе, но его вторичная (или первичная?) маска была по-прежнему закреплена на его лице. Он так же был одет больше похоже на ниндзя, чем кто угодно ещё в квартире, включая Яманаку-старшего — в тёмные штаны и что-то, похожее на сетчатую футболку под рубашкой. Его причёска, как всегда, была кошмарной.

— Пёс! — сказала отродье, отвлёкшись. — Ребят, ребят, ребят, это Пёс.

— Кто-кто? — спросил Инузука.

— Пёс! — повторило отродье, одновременно с тем, как Щенок ответил ленивым "Куратор", а Курама сказал: "Вьючная лошадь".

Яманака-старший высунул свою голову за угол кухни.

— А, Какаши. Помоги мне распределить лапшу по порциям.

— Кака-кто? — спросило отродье.

— Никто в этой деревне не может ничего толком назвать, — пробормотал Курама.

Спустя некоторый период суеты Щенок, в конечном счете, извлёк себя из стада детей, толпящихся у него ног. Яманака-старший принёс в гостиную полдюжины тарелок с кухни, загнал Инузуку и отродье в какое-то подобие рамок, и каким-то образом сумел усадить, запихнуть и вклинить восемь крошечных детей вокруг кураминового низкого многоцелевого письменного стола. Были распределены праздничные колпаки. Подарки были аккуратно убраны в сторону. Курама моргнул, а потом перед ним оказались тарелка, кружка, полная холодного какао, и кекс, которых там не было секунду назад — как и перед всеми остальными находящимися здесь маленькими чудовищами.

Инузука потянулся к своему кексу. Мелкий Учиха ткнул его локтем.

— Киба, — прошипел он.

— Что за какашка? — воскликнул Инузука.

Яманака-старший помахал листом очень блестящей бумаги.

— Итак, — сказал он жизнерадостно. — Согласно этому плану, — какому ещё плану? Не было никаких планов. — Теперь, когда мы все здесь, у нас будет ранний ужин, а потом игра в ниндзя-догонялки снаружи.

Яманака скорчила мину в ответ на эту последовательность событий.

— Ниндзя-догонялки. Папочка.

— Все кто хотят играть в ниндзя-догонялки, могут пойти играть в них снаружи, поправился Яманака-старший. — Все остальные могут посмотреть фильм.

— Что если мы хотим ниндзя-догонялки и фильм? — напряжённо спросило отродье.

— Тогда вы можете придти обратно после догонялок, — успокоил его Яманака-старший. — Мы планируем несколько фильмов.

Это, по всей видимости, удовлетворило отродье, потому что оно твёрдо кивнуло само себе и потянулось за своим шоколадно-трюфельным кексом, щедро украшенным голубой посыпкой. Инузука тоже вытянул руку, но мелкий Учиха шлепком отправил её обратно. Отродье пронзило своим кексом воздух.

— Рама!

С куда меньшим количеством взрывной энергии Курама помахал своим кексом.

— Ура-а.

— За то что нам исполняется семь! — радостно прокричало отродье.

— М-м.

На один короткий момент Курама позволил своим глазам закрыться. За то, что им исполняется семь. Исполняется семь. И это была первая вечеринка в честь дня рождения, которая когда-либо была у отродья, и это будет последняя вечеринка в честь дня рождения, которая у него когда-либо будет — семь лет от роду, звёзды в его глазах, словно только что сбылась его мечта. И она сбылась. Это был сон наяву, разве нет? Мечта маленького ребёнка об обряде и признании.

Однажды оно стёрло слёзы с глаз и сказала Кураме, скривив рот: "Это нечестно, что только меня — только меня никогда не приглашают."

— За то, что нам исполняется семь, — повторил Курама, открывая глаза.

Послышался щелчок фотоаппарата.

Его было сложно разобрать из-за поднимающегося уровня шума. Что удивительно, источником был Щенок, а не Яманака-старший. Он держал громоздкий полароид, который, как помнил Курама, собирал пыль на тетраджах полгода, потому что у Щенка была привычка собирать вещи и одаривать ими квартиру Курамы, вместо того места, где жил он сам. Рука, не удерживающая камеру, была убрана в карман — поза расслабленная и ленивая.

Отродье, по всей видимости, ничего не заметило, хотя Жвачка определённо услышала. Она моргнула одновременно с очередным приглушенным "к-чшк".

— Теперь-то я могу взять кекс? — спросил Инузука у мелкого Учихи.

— Все могут взять кекс! — закричало отродье.

— Поскольку это особый случай, начинать с десерта допустимо, — позволил Абураме.

Акимичи снял два кусочка посыпки со своего кекса.

— ...Почему ты можешь не хотеть начать с десерта? — поинтересовался он. Отличный вопрос.

Десерт был лучшей частью любого приёма пищи, так что Курама съел два кекса, и поскольку он специально попросил сделать их примерно размером с миску риса, это означало, что, к тому моменту, как был съеден второй кекс, он практически наелся. Количество сладостей, которые могло поместиться в его желудке, отличалось от того, сколько в нём могло вместиться других видов еды. Он поклевал (надо признать, великолепно) сашими, принесённое Акимичи. Все остальные дети кроме него и Жвачки, впрочем, были настоящими чёрными дырами — включая Яманаку, которая, по-всей видимости, ела меньше только из-за своих куда более выдающихся манер. Еда шла вниз по пищеводам и время от времени размазывалась по воротнику или рукаву. Жвачка, сидящая между Яманакой и Курамой, доела свою оставшуюся половину кекса и медленно ела свинину с рисом.

— Твоя еда просто слишком вкусная, Чоджи, — сказала отродье, съев три тарелки суши.

Мелочь убрала тарелки, которые затем исчезли — предположительно либо в раковину, либо в запечатывающий свиток в кармане Яманаки-старшего. Потом настало время открывать подарки, согласно плану, которого по-прежнему не существовало, неважно с каким энтузиазмом Яманака-старший ссылся на свою блестящую бумажку.

Курама не обращал особенного внимания на подарки отродью — набор кунаев, два настоящих ведра с блёстками, книги, что-то ниндзявское часть вторая, а потом отродье попыталось

обрушить свою половину стола на пол, крича: "Ребята, вы — лучшие!" — но он открыл подарок Жвачки, чтобы получить коробку с миндальным печеньем, и нашёл, к своему удивлению, "Полное собрание сочинений Ниджики Синдзи" в пакете Яманаки.

Это было... что-то.

— Ах, — сказал он, переворачивая книгу.

— Правильный ответ — "спасибо", — сказала Яманака, в то время как Инузука отодрал от себя отродье и сердито сказал:

— Не плачь, тупица, тебе теперь семь.

— Ки-и-иба, — приглушенно протянуло отродье.

"Спасибо", хах. Курама положил руку на рельефные линии титульного кандзи. Сколько же времени прошло? От всего этого немного хотелось смеяться, но по большей части что-то внутри него просто чувствовало себя резким, бледным, неподвижным. Он провёл пальцем по первой странице, позволяя волосам спрятать его глаза, прямую, невесёлую линию его рта.

— Спасибо, — сказал он.

***

Потом они пошли наружу играть в ниндзя-догонялки.

Яманака смотрела на Кураму, как будто он сошёл с ума. Она была великодушно проигнорирована.

— Ты же терпеть не можешь физическую активность, — сказала она, прищурившись и поджав губы. Отродье бросило на неё недовольный взгляд, закинуло руку на плечи Курамы и сделало эту обиженную штуку с губой, которая никогда не работала, но которую отродье всё равно продолжало пробовать, потому что оно, честное слово, был тупо, как ящик с камнями. Сегодня, впрочем, был (первый, последний, единственный) знаменательный день для отродья, так что, физическая активность или нет, Курама надел ботинки и вышел на улицу вместе с остальной отродьевой группой, большая часть которой шаталась и по-прежнему была наполовину в коме от переедания. Жвачка и Яманака взялись за руки и пошли следом за ним.

Дорога была пыльной, горизонт постепенно начал краснеть, в воздухе чувствовалась прохлада поздней осени. Курама оставался в стороне, пока дети толкались друг с другом, сидел, свесив ноги с каменных ступеней квартиры.

— Мы бы могли сейчас смотреть фильм, — сердито сказала Яманака слева от него.

— В этом суть, — Курама бросил на неё взгляд искоса. Он не понимал, почему она жаловалась.
— Тебе не нужно было приходить, если тебе не хотелось.

Яманака фыркнула.

— "Тебе не нужно было приходить", сказал он. "В этом суть", сказал он, — она подоткнула шарф Жвачки в её куртку с большей силой, чем было необходимо. — У-упс, прости, Сакура. А ты — это называется моральная поддержка, — она сказала это так, словно Курама должен был быть знаком с социальными правилами маленьких девочек, с которыми Курама, даже после года в компании Яманаки и Жвачки, знаком не был.

— Ну, — вставила Жвачка.

Она не продвинулась дальше первого слова, впрочем, потому что шар из каштановых волос и щенка прокатился по извилистой траектории и остановился рядом с ними. Собака гавкнула. Мотая головой, Инузука поднялся, опираясь на локти.

Он посмотрел на Яманаку, потом на Жвачку, а потом стремительно, словно гадюка, ткнул бицепс Курамы, одновременно взвывая: "Ты водишь!", после чего бросился бежать.

Курама посмотрел на свою руку. Вдалеке Инузука уносился прочь. Он смерил взглядом Яманаку.

— Даже не думай об этом, — сказала она.

Да, это было плохой идеей.

— Вот дерьмо, — вздохнул он, прошёл тридцать метров в сторону фонарного столба и хлопнул рукой по колену Щенка. — Водишь.

— Не очень-то спортивно с твоей стороны, — легкомысленно сказал Щенок.

Курама совершенно невпечатлѐнно приподнял бровь.

Развитие настоящей личности, которая не попадала в категорию "нервный-болван-в-маске" было, по всей видимости, личным проектом Щенка на протяжении последнего полугода. Идея была не нова, заключал Курама — можно сказать, она накопилась с годами — вот только он не имел ни малейшего понятия, откуда восемьдесят процентов этой странной, новой личности, в которой Щенок пытался спрятаться, вообще появились. Ну да, Курама имел крайне мало воспоминаний о Щенке до Учихи мать его Мадары семь лет назад, но его воспоминания о

Щенке за семь лет после этого компенсировали это.

Щенок был связкой оголённых нервов, охраняемых бритвенно-острыми растяжками, питаемых сочетанием глубоких, глубоких сожалений и перфекционизма трудоголика. Спустя годы и множество доставаний со стороны отродья эти оголённые нервы развили кожный покров, растяжки распутались достаточно, чтобы ослабнуть иногда, настоящие мнения заменили строгие рамки и излучаемое осуждение, в то время как глубокие, глубокие сожаления и перфекционизм трудоголика никуда не испарились. Это было естественное состояние пребывания Щенка. Этот новый, сутулящийся, легкомысленный Щенок, который иногда безуспешно пытался улыбнуться одним глазом, был похож на неподходящий по размеру костюм.

По крайней мере он не проверял своё новое чувство юмора (сюрприз-сюрприз, у Щенка оно было) на отродье. Оно либо пролетело бы мимо его ушей, либо вдохновило бы его на истерику. Он не проверял своё новое чувство юмора на Кураме, которому оно доставляло мало удовольствия, но которое он мог прекрасно игнорировать.

В конечном счёте это не имело значения. Щенок выполнял все задачи, которые Щенку нужно было выполнить с той же эффективностью, что и раньше. Вроде походов за продуктами. И книгами. И удерживание отродья занятым.

— Если там есть слово "спорт", то мне на это плевать, — сказал Курама, закатывая глаза. Щенок пожал плечами, сделал жест, обозначающий "справедливо", после чего выпрямился, чтобы пойти за отродьем.

— Пё-ё-ё-ёс! — услышал Курама нытьё отродья.

Прошло ещё двадцать минут, прежде чем Курама вернулся внутрь, с Яманакой и Жвачкой, идущими за ним следом.

Температура стремительно упала после того, как солнце зашло, и его пальцы начали терять чувствительность. Они включили фильм и плюхнулись на диван с горячим какао и жестяной печенья на руках. Курама был на полпути ко сну, когда порыв холодного воздуха и неожиданная стена шума ознаменовала возвращение отродья и всех остальных детей.

Немедленно и неожиданно диван оказался куда более тесным. Жвачка встрепенулась, просыпаясь от своей дрёмы на плече Яманаки. Отродье протиснулось в место между левой рукой Курамы и подлокотником.

Кто-то поставил ещё один фильм, а потом Инузука украл пульт и поставил громкость на максимальный крик.

— Ёбанный Мудрец, — выругался Курама, неожиданно куда более бодрствующий. Яманака-старший кинул на него осуждающий взгляд. Яманака-младшая стукнула Инузуку по голове.

Инузука в ответ боднул Яманаку, что вызвало негодующий вопль с её стороны, прежде чем усесться смотреть фильм.

К тому времени как первые родители пришли, чтобы собрать своих отродий, опустилась ночь и закутала всё в некое бархатное покрывало, единственной дырой в котором был приглушенный треск телевизора. Курама — как и почти все остальные — уже спал.

***

Щенок не был их сопровождающим на фестивале Героя. На самом деле, Щенка вообще не было в Конохе десятого октября. По всей видимости, он был на (полу-отложенной из-за его присутствия на вечеринке в честь дня рождения отродья) миссии, и не должен был вернуться раньше чем через, как минимум, полторы недели.

Отродье, впрочем, всё равно рвалось пойти на фестиваль, с Псом или без Пса, и после полутора часов подлизывания Человек-Обезьяна бросил умоляющий взгляд на потолок, махнул рукой и сдался, напоследок с полу вздохом добавил: "Но будь осторожен, Наруто-чан". Ночью десятого октября, спустя два дня после отродьевской вечеринки, отродье и Курама, лишь вдвоем, шли по улицам, позолоченным светом фонарей.

Обычный для фестиваля эмоциональный подтекст крайней ярости был приглушен в этом году, потому Курама, опять же, мог раздавить эту деревню в лепёшку стоило ему только захотеть. Курама старательно проигнорировал идущий парад в честь Намиказе, старательно проигнорировал постановку Намиказе против Кьюби, показываемую в театрах, и мог почти притвориться, что это был просто хороший, нормальный фестиваль. Он сфокусировался на почти сумасшедшей энергии, насыщающей улицы: разноцветных флагах, фонарях, всей этой еде и глупых и дурацких детских играх, и в этих смыслах всё это было крайне похоже на человеческие фестивали прошлых лет, в которых Курама был почётным гостем.

(Технически, он по-прежнему был почётным гостем на этом фестивале, просто... другого рода).

Отродье обнаружило Инузуку у игры с бросанием колец, и Курама оставил их там, пока сам отправился пробовать сладкую вату. Отродье застрянет у ларьков с играми надолго, а Кураму дожидалась несъеденная еда.

Он прикончил лодочку такойки и, испытывая порыв желания посмеяться, добыл для себя воистину смехотворную фестивальную маску окаме. Она была ему немного велика, но он всё равно мог видеть через узкие щёлочки для глаз. Он отправился сыграть в йо-йо, потом ловить золотых рыбок, а потом купил себе гигантскую стеклянную бутылку какого-то пенящегося и восхитительно сладкого клубничного напитка. "Клубничное Нигори Саке", гласила этикетка. Курама уже представлял себе, как он может вписать его в свои рецепты тортов.

Когда вспышка вдалеке просигнализировала о начале феерверков, Курама отправился искать

отродье.

Даже когда вся деревня была набита в единственный район, чакру отродья было невозможно пропустить. Курама взвалил свою гигантскую, тяжёлую бутылку саке на плечо и двинулся прямо к отродьеву яркому огненно-ветренному сиянию. Где-то над его головой фейерверки гремели в небе — синие, зелёные, красные.

По всей видимости, отродье мигрировало к театру. Неоновые цвета. Приглушённая музыка. Курама обнаружил его чакру рядом с чакрой Инузуки. Она не была с фронтальной стороны театра, в котором эти двое решили найти обитель, по какой-то причине, и в воздухе стоял странный запах. Только один-два фонаря свисали с покатой крыши. Они освещали края поблекших постеров к фильмам.

Курама повернул за угол, почувствовал как другая, незнакомая сигнатура появляется поблизости, а потом послышался удар, всплеск, высокий и короткий взвизг отродья, его чакра дёрнулась в страхе-удивлении.

— Что ты... Хана! — взвыл Инузука.

Совсем другой голос говорил:

— Ты, ебанный... ты, ебанный демон, свали с дороги, почему ты здесь, — незнакомая сигнатура пошла рябью - гнева, ярости, скорби.

Курама повернул за второй угол и его разум опустел.

Отродье лежало на земле. Его глаза были широко распахнуты, рот открыт в удивлении, щека и шея были покрыты волдырями и отслаивающейся кожей. Фонарь выплеснул масло в ночной воздух. Маленькая белая собака лаяла. Инузука — его зубы вцепились в колено подростку. Протектор Конохи был повязан на его плече, но вся остальная его одежда была фестивальной. Его руки дрожали, глаза были подёрнуты дымкой ярости, его речь была полунечленораздельным рычанием.

Свет отразился от чего-то в его руке. Стекло.

— Свали нахуй из этой деревни, ты...

Инузука зарычал. Взгляд отродья перешёл с подростка на то, что было за ним, зацепился за Кураму. Его глаза стали ещё шире, если это было возможно:

— Ра...

Инузука Хана стукнула подростка-недоумка по голове кураминой неожиданно исчезнувшей бутылкой клубничного саке и тот обмяк и упал.

— Сестра!

— Я оставляю вас двоих одних на десять, мать его, минут, — сказала Инузука Хана. — Что за фигня? Что это за хрен? — она потрогала безвольное тело носком ноги и сморщила нос. — И насколько он был пьян? Фу.

— Сестра, — прошипел Инузука, поднимаясь на ноги. — Наруто...

Курама не знал, когда он сдвинулся с места. Он не знал, как именно. Он просто был там, неожиданно, в секунду между одним мгновением и другим, опустившись на колени рядом с отродьем.

Он не мог думать.

Только когда отродье сказало: "Рама, ай", Курама осознал, что он вцепился ногтями в руку отродья, чувствуя своё дыхание выходящим резким, яростным шипением. Он разжал руки. Лицо отродья было бледным и испуганным, и оно не должно было так выглядеть. Курама не хотел, чтобы оно так выглядело. Осталось всего шесть месяцев, и отродье должно было быть счастливо все эти дни до единого, потому что это Курама задолжал ему, потому что Курама любил его, наверное, возможно.

Никому не было позволительно приводить его в такое состояние.

Рука коснулась его плеча. Курама оскалил зубы и зашипел.

— Вот не надо мне, блять, этого, — сказала Инузука Хана. — Я знаю базовые медицинские ниндзюцу, и я полагаю что ты — нет, так что двигайся и дай мне... хах.

Уродливые волдыри уже исцелялись, красные и белые пузыри исчезали, оставляя здоровую розовую кожу. Это было совершенно нормально и абсолютно ожидаемо, но отродье было по-прежнему бело как мел и смотрело на валяющегося недоумка на земле с чем-то, похожим на неуверенный страх. Его чакра была маленькой и колеблющейся. Отродье не должно было так выглядеть.

Проблеск движения на краю его глаза. Инузука проскользнул мимо своей старшей, с собакой, идущей за ним по пятам, чтобы требовательно спросить:

— Ты же не слишком поранился, да? Кто вообще так делает? Что это было?

— Ебанный пьяница, — сказала Инузука Хана.

— Ага, я могу унюхать. Я имею в виду, что он...

— Был чертовски пьян, — повторила она, резко и коротко. Инузука посмотрел на неё большими, удивлёнными глазами. Она вздохнула. — Это... Он уже вылечился. Я доложу об этом, не волнуйтесь. Или позвольте начальству волноваться, в любом случае, — она потёрла лоб и обратилась к Кураме и отродью. — Вы двое — хотите пойти домой?

Отродье всё ещё пялилось на недоумка на земле.

— Я... э.

— Мы уходим, — сказал Курама, просунул руку под локоть отродья, и потянул его вверх.

***

Шок сходил по частям, словно отслаивающаяся краска. К тому моменту, как они завершили молчаливое возвращение в квартиру, цвет вернулся к лицу отродья и оно прекрасно шло без помощи, что было здорово, потому что тащить его куда-либо было настоящим испытанием для Курамы. Он закрыл дверь в квартиру при виде Инузуки, неуверенно слоняющегося снаружи. Секунду спустя, его чувство чакры показало ему Старшую, утягивающую Инузуку прочь за ошейник.

Отродье плюхнулось на диван.

Технически это было виной Курамы. Технически, это было виной Намиказе, потому что он, блять, запечатал Кураму в мальчишку трёх часов от роду. Технически это всё равно была вина Курамы, потому что он не убил там попросту всех и вся в тот день, потому что теперь он был вынужден разбираться с последствиями. Курама отправился на кухню, поставил чайник закипать и выставил три миски быстрозавариваемого рамена на стойку.

Это, вероятно, было виной Учихи Мадары. Сенджу Хаширамы. Следующий раз, когда Курама встретит Ашуру и Индру, он откусит им головы.

Отец его простит.

Чайник засвистел. Отродье сказало:

— Рама.

Рука Курамы замерла на ободке чашки рамена.

— Да?

Послышался шорох ткани, тихое "хлоп" лица, сталкивающегося с диванной подушкой. Отродье сказало:

— Так вот почему Старик раз за разом говорил нам, что нам нужен был, например, Пёс, — он сделал паузу. — Или типа того.

— Да.

— Ох.

— М-м.

Отродье издало сдавленный звук.

— Это было глупо.

Курама, удерживающий в равновесии чашку рамена и деревянные палочки, сделал десять шагов в гостиную и спросил:

— В любом случае, каким чёртом тебя вообще занесло одного в тёмную аллею?

Он был просто, просто в ярости, хотя не должен был быть. Он был просто, просто в ярости, и у него было полное право. Не то чтобы эти обстоятельства были непредвиденными. Щенок, слоняющийся вокруг, как вежливая тень, неважно куда они шли, обычно отваживал подобные сценарии, чему помогал тот факт, что Курама не был идиотом, и отсутствие обоих означало, что количество возможностей для отродья заварить себе какую-нибудь кашу стремительно возрастало. С отсутствием и первого, и последнего, то, что что-то случится с отродьем сегодня, было практически ожидаемо. И с точки зрения всей картины, это ранение было сравнимо с порезом от бумаги — одна секунда испуга и неопределённости. Отродью уже было лучше, и Курама не должен был так злиться.

Вот только это должен был быть хороший день для отродья. В этом году это должен быть хороший день и для Курамы. Осталось только шесть месяцев, и в них не должно было быть никаких секунд испуга и неопределённости. Курама не должен был заботиться об этом, но это был его долг — Курама ненавидел его, Курама любил его, и он был кураминой ответственностью. Курама ненавидел его, но он был единственным, кому это было позволено. Жители деревни должны были любить проклятого идиота по тем же причинам, по которым не мог Курама. Он был наследием Намиказе и сокровищем Кушины, и свобода Курамы висела на его шее, и безопасность Конохагакуре была прицеплена к той же цепи. Даже если они не

любили его, эта деревня была ему должна. Они всем были ему обязаны. Так что да, у Курамы было право злиться.

Может быть это была карма, карма Намиказе и Кушины. Ублюдочная деревня, которую они пытались спасти, в конечном счёте избегала их единственного сына.

Отродье приняло рамен с подавленной мрачностью и сказала:

— Я не был один. Киба был с нами. И там был парень с напитками, который не хотел продавать мне чай, так что мы пытались разыграть его.

Рука Курамы дёрнулась.

— Ты вообще, блять... Нет, разумеется. Не отвечай на этот вопрос.

— Почему это моя вина? — спросило отродье, хмурясь.

Курама потёр висок.

— Это не так, — сорвалось у него. — Просто...

— Лис, — сказала отродье, что — что не было неправильно, но Кураме всё равно хотелось рефлекторно чем-нибудь в него кинуть.

Он сосчитал с пяти до одного.

— Да.

— Люди глупые.

— Да.

Отродье всосало в себя последние капли из своей третьей чашки с раменом и посмотрело на неё так, словно было удивительно, что оно действительно прикончило три чашки за три минуты.

— Я сделаю ещё, — сказал Курама, поднимаясь.

Когда он срывал пластиковую крышку с третьего контейнера с раменом, послышался стук в дверь. Знакомая чакра стояла снаружи, прикрытый котелок.

Замок щёлкнул, петли скрипнули, и первым, что сказало отродье, было:

— Старик! — за которым последовало. — Старик, я был супер-пупер осторожным, и это — это была не моя вина!

— Ты не был осторожным.

— Предатель!

— Я не... — услышался голос Человека-Обезьяны. — Наруто. Наруто, ты в порядке?

— Я хочу рамена из Ичираку, — сказало отродье.

Курама резко опустил ещё три свежеприготовленные чашки с раменом на стол в гостиной.

— Съешь сначала эти.

Они собрались вокруг стола, все трое, где отродье принялось уничтожать новую партию лапши с той же скоростью, что и их предшественников.

— Хана-кун и Киба-кун рассказали мне о произошедшем, — сказал Человек-Обезьяна. — Саназава Такеши будет должным образом наказан, Наруто, — он сделал глубокий вдох, и чувствовал усталость, усталость, но Курама испытывал ноль сочувствия — это был результат безрассудства его поколения. — Этого не произойдёт вновь.

— М-м, — промычало отродье, всасывая в себя бульон.

— Наруто, — сказал Человек-Обезьяна. — Это...

— Он был пьян, — прервало отродье и скорчило мину, несмотря на свои набитые щёки. — Я знаю.

Человек-Обезьяна поколебался. Отродье яростно прожевало и сглотнуло.

В конечном счёте, Кьюби, по всей видимости, был темой, которую никто не собирался озвучивать.

— Да, он был пьян, и это было совершенно неприемлемо. Как и поведение продавца, которое стало началом всей этой цепи событий. Я поговорю с рыночным союзом.

— ...Этими засранцами?

— Этими засранцами, — подтвердил Человек-Обезьяна и добавил с ноткой сухого юмора: — Они были бы меньшими засранцами, если бы ты прекратил разыгрывать их, Наруто-кун.

Надувшись, отродье ответило:

— Я прекращу разыгрывать их, когда они перестанут быть засранцами.

— И мы оказываемся в замкнутом круге.

Отродье сморщило нос. Оно отставило в сторону свою третью — технически, шестую — опустошённую миску рамена, после чего, по причине отсутствия другой еды, пожевало свои палочки.

— Старик, это...

— Всё станет лучше, — сказал Человек-Обезьяна.

Курама тихонько фыркнул.

Отродье подняло взгляд, моргнуло, и выражение его лица сменилось на "не говори очевидных вещей, пф".

— Я знаю, — сказал он. — Дело не в этом. В этот раз это был я, и парень был пьяный и тупой, но Рама лечится со скоростью улитки, и он и так болеет три раза в год, и...

— Я вообще не оказался бы в подобной ситуации, — огрызнулся Курама.

— Обстоятельства... сложились, — сказал Человек-Обезьяна. — Это не должно было случиться, и это не случится вновь, — он посмотрел на отродье, на Кураму, и снова на отродье, и Курама знал, что он увидел эхо их лиц. — Деревне. Требуется... время. Дайте им времени, Наруто, Менма. Всё будет хорошо.

Отродье издало звук, полный раздражения, и ткнул своими палочками для еды в направлении Человека-Обезьяны.

— Я знаю, — повторил он. — Я знаю это. Я буду тяжело тренироваться и стану самым лучшим и сильным ниндзя, а потом Хокаге, и никто не будет глупым и пьяным, и все будут меня уважать, и все будут смотреть на меня за примером, и глупые продавцы на улицах будут продавать мне всю еду, какую я только захочу, и — и кроме этого, давать мне бесплатную еду

— и тогда я буду защищать их, потому что я Хокаге, и бить плохих парней и помогать принцессам, — оно решительно кивнуло само себе. — Ага.

— Будешь ли ты учитывать время на работу с документами в своё спасение принцесс? — поинтересовался Человек-Обезьяна.

— Документы — пфе.

Там чувствовалось облегчение, в чакре Человека-Обезьяны. И приглушенная, изношенная грусть.

— Ну, приятно видеть, что ты сохраняешь свой оптимизм. Мне пора идти — у меня назначено собрание. Я сделаю, что смогу насчёт рамена, которого тебе хочется, впрочем. Я не думаю, что Теучи будет против того, чтобы сделать тебе миску, несмотря на то, что завтра у него выходной.

Отродье просияло.

— Правда? Класс.

***

— Ничего не станет лучше, — сказал Курама.

Чакра Человека-Обезьяна появилась и исчезла на другом конце деревни; закрыв глаза, Курама отследил шуншин.

— Рама...

Он не знал, почему он говорил всё это. В долгосрочной перспективе это ничего не значило — у отродья не было долгосрочной перспективы.

— Ничего не станет лучше. Неважно, что ты сделаешь. Ничего не станет лучше.

— Станет, — сказала отродье с абсолютной уверенностью, и Курама мог бы засмеяться. Этот глупенький мальчик. Единственным, что люди знали, это как убивать. Они убивали то, что не понимали; они убивали то, что понимали. Они продолжали пытаться переделать мир по своим собственным, неправильным, похожим на разбитое зеркало представлениям. Это было из-за их страха. Из-за их совсем коротких, словно у светлячка, жизнях. Из-за наследия Ашуры и Индры. — Всё будет... Всё как Старик сказал. Просто нужно время, чтобы лис выветрился. Как плохой

запах, или плохие духи Саки-сенсея.

Как плохие духи. Теперь Курама рассмеялся — коротко и резко. Он открыл глаза, и отродье смотрело на него, и Кураме не хотелось, чтобы оно так смотрело. Курама вынуждал отродье так смотреть: с большими глазами и неуверенной чакрой, несмотря на решительную линию рта.

— Им не будет дела.

— Я сделаю это их делом. Рама. Рама, мы просто должны открыть им глаза, — и он потянулся через стол, искренне, с глазами его клятого отца, и волосами его клятого отца, и щеками его матери, и никто этого не замечал.

Всё, что он чувствовал, было резким, бледным, холодным. Всё, что он чувствовал, было горячим, жгучим, яростным.

— Они никогда не увидят.

Сенджу Хаширама, ловящий его и его братьев и сестёр, чтобы упаковать и продать. Узумаки Мито и тридцать лет утопания в водяном храме её мысленного ландшафта. Он молил Узумаки Кушину, просил её: "Слушай, слушай, ради могилы своих предков, дитя", а она бросила ему в ответ: "Мир не может быть в безопасности, пока ты в нём". словно это не было величайшим лицемерием, с её деревней, и её людьми, и кровью, которая заливала их следы. Они никогда не видели. Они никогда даже не пытались увидеть.

— Старик сказал...

— И кто, по-твоему, поместил тебя в эту ситуацию с самого начала? — опустив голос, спросил Курама.

— Это не...

— Он сказал всем остальным о лисе, кроме тебя. Ты не должен был знать. Ты никогда не должен был узнать, — Курама посмотрел на него, а потом улыбнулся. Это была неприятная улыбка. — Что, по-твоему, означает быть ниндзя, идиот? Ты думаешь, что это всё слава, принцессы и крутые дзюцу? Нет никакой славы в том, чтобы быть шиноби. Они возьмут твоё сердце и заменят его ядом. Быть шиноби означает убивать, это всё, что нин-культура когда-либо знала...

— Я это изменю. Рама, Рама. Когда я буду Хокаге, я...

Оно сказала это так, словно титул не давался величайшим из убийц. Любой, кто сказал, что у Курамы были жертвы, по всей видимости никогда не видел отчёты о карьере Намиказе. Оно

сказало это так, словно это была честь, словно Хокаге был должностью полной значимости, ценности.

Курама рассмеялся.

— ...Сделаю всё лучше, и, и ты сможешь делать — законы и как-их-там — и они полюбят нас, и никто не будет ничего убивать, потому что это тупо и грубо, и неправильно. Мы будем защищать людей и спасать людей, как во всех фильмах по телику, обалденные двойняшки всех победят, и ты мой брат, так что—

— Я не твой брат, — сказал Курама, и отродье отшатнулось, словно его ударили.

У его отца Мудреца было одиннадцать детей. У Ооцуцуки Курамы было восемь братьев и сестёр. Узумаки Наруто не принадлежал к их числу.

Курама ненавидел его, это идиотское отродье, это глупое дитя, кушининого мальчика. Может быть Курама любил его. И это было милосердием, что Курама собирался убить его, и это было чёртовой трагедией, что Курама собирался убить его, потому что смерть отродья означала, что он никогда не познает жизнь во всей своей целостности — ни её красоту, ни её яд. Курама сохранит его в этом моменте, семи лет от роду, пойманного, как лист в янтаре, как мальчик, у которого не было крови на руках или войны в глазах, огня дзюцу, поющего о разрушениях под его кожей. Он не станет Хокаге. Это было милосердием. Он никогда не спасёт принцесс и не познает радости взросления. Это было трагедией.

Узумаки Наруто был семи лет отроду, любил рамен и блёстки и хотел стать Хокаге. Узумаки Наруто был единственным ребёнком в семье. Курама не был его братом.

Узумаки Наруто был рождён в Листе, вырос в Листе, с глазами и волосами как у его отца, выражением лица как у своей матери. Иногда, в тёмные полуночные часы, когда он спал, Курама думал: "Ему не обязательно умирать". Курама собирался разорвать его на части ради своего Янь, но было то, о чём люди забыли — хвостатые звери всегда давали что-то взамен; Курама мог лечить столь же легко, как и калечить. Отродье было Узумаки, оно вылечится. Отродье было Узумаки, и это было проблемой. Оно было рождено в Листе, выросло в Листе, и несло проклятье Ашуры и Индры на своих плечах. Оно хотело стать Хокаге.

Это было милосердием.

— Рама... — сказало оно, тихо и сломанно, и Курама повернулся, встал на ноги. У Курамы был долг перед отродьем, но прямо сейчас он не мог найти в себе сил посмотреть на него.

Он сделал шаг в коридор, и неожиданно отродье бросилось за ним, а принялось бить в закрытую и запертую дверь спальни. Его голос был ломающимся криком:

— Рама! РАМА, ТЫ БОЛВАН, РАМА, ТЕБЕ НЕЛЬЗЯ ТАК ГОВОРИТЬ. НЕЛЬЗЯ. Тебе... Тебе никогда нельзя так говорить! Ты мой брат, мой близнец, тебе нельзя...

Послышался треск, стук, а потом дверь ударилась об стену. Дверная ручка болталась весьма сломанным образом. Отродье стояло в проходе, с дикими глазами и испуганными губами, бледное и дрожащее.

— Рама, ты недоумок, — прокричало оно, а потом неожиданно замолчало. — Рама. Ты плачешь.

В самом деле?

Он поднял руку и коснулся своей щеки. Почувствовал воду на ней, влажный потёк. Он не осознавал. Это была такая человеческая реакция. У хвостатых зверей не было слёзных желез.

— Эй, — оно сделало осторожный шаг вперёд. — Эй, эй. Всё будет хорошо, здорово, отлично. Рама, не плачь, — ещё шаг, пока они не оказались плечом к плечу, а потом отродье осторожно обняло его. — Всё будет в порядке, и... И. Даже если никто больше не будет заботиться, я буду. Так что. Потому что мы братья и я старше.

Но у Курамы было восемь братьев и сестёр, и отродье не было одним из них.

***

Утром, в те ранние часы, когда солнце только начало подниматься над горизонтом, Курама достал книгу из своего шкафа. Не было видно следов износа у её краёв, несмотря на то, что она была самой старой в его коллекции. Страницы были толстыми и глянцевыми, и кроме кляксы от апельсинового сока на краю — белоснежными.

Движение вызвало ажиотаж. Сбоку от него масса отродья выпрямилась.

— М-мргх?

Курама разложил её — книгу с пейзажами, которую Щенок достал для него столь давно. Отродье закинуло подбородок на плечо Курамы, чтобы посмотреть, пока тот пролистывал страницы. Некоторые из них перелистывались медленнее, книга распаивалась немного легче на местах, которые Курама смотрел чаще. Восход над северными землями льда, где лента сиреневого прорезала чёрно-белое скопление гор. Рисовые поля, снятые с высокой точки обзора — террасы, разбитые на секции плантаций, были похожи на кусочки в витражном стекле. Последняя страница была ещё одним закатом — красное солнце над красной пустыней, а вдали, у холмов, силуэты кочевников на их верблюдах.

Курама провёл по краю солнца пальцем.

— Эй, у тебя есть любимый пейзаж?

Секунду отродье только глупо моргало, что, Курама счёл, было естественно. Он редко интересовался подобными мнениями со стороны отродья.

— Эм, нет? Они хорошие. Они все хорошие! Мне нравились пустынные. И океанные. Но те из оранжевого ущелья тоже хорошие. Они как наша гора, только больше.

Фото, о котором говорило отродье, показывало массивную извивающуюся структуру из скоплений кварца, розового и оранжевого, ограждающую глубокую зелёную реку. Курама прочитал подпись: "Восточный Камень, город Догарасу".

— Неважно. Забудь.

— Ха?

— Просто смехотворная фантазия.

Ему захотелось на секунду, чтобы отродье увидело больше, прежде чем умерло. Самое прекрасное, что земля могла предложить. Не просто эту деревню, пойманную в ловушку стен из мокутона Хаширамы.

Но они не пойдут в Камень. Камень был в пяти сотнях километров южнее того места, куда должен был отправиться Курама. Они не коснутся и океанов. Прошло столько времени с тех пор, как Курама в последний раз видел их, но ближайшее, что он мог получить, это Реки, прежде чем двинуться в Ветер. Ветер был конечной целью, Ветер всегда был конечной целью. Он сверял дюжину карт и маршруты больше чем дюжины торговцев именно поэтому.

Повозка, минимально возможное время пешком, затем поезд. Преодолеть достаточно большое расстояние, а потом не останется никого и ничего, ничего кроме песка, воздуха и неба; определённо никого, чтобы остановить его.

И Курама наконец-то, наконец-то будет свободен.

— Что насчёт тебя? — спросило отродье. — Есть любимые?

Были поля на юге Страны Огня, которые пахли летом и знали песню кураминой чакры.

Курама закрыл книгу. Волосы отродья пощекотали его щеку.

— Нет, — сказал Курама и посмотрел на него, голубоглазое и блондинистое. — Тут — ничего.

***

Они уйдут в марте.

Щенок уйдёт на это время, утопит себя в миссиях АНБУ, утянутый старой скорбью; торговцы придут в Конохагакуре и покинут её сотнями; проливные дожди скроют курамыны следы. К тому моменту Курама доделает свои чакраподаватели, а отродье — своих тeneвых клонов. Через шесть месяцев. Ему нужно будет отдать Жвачке её рождественский подарок заранее.

Сейчас шла осень, порог зимы. Когда весна придёт вновь, Курамы здесь уже не будет, а деревня превратится в пепел.

<http://tl.rulate.ru/book/58665/1503037>